

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Проблемы этнической географии и картографии. Отв. ред. С. И. Брук, М., 1978, 168 с., карты и картосхемы.

Описания расселения народов и карты их размещения существовали с древнейших времен. Сильный толчок таким исследованиям был дан развитием буржуазных наций и империалистическими завоеваниями XIX—XX вв., поставившими национальные проблемы в центр внимания. Можно говорить, что в этот период постепенно формируется особая дисциплина, возникшая на стыке этнографии и географии и занимающаяся проблемами территориального размещения народов и его картографического отображения.

В рассматриваемой монографии впервые делается попытка подытожить сделанное в этой области до настоящего времени и теоретически осмыслить эти достижения.

Книга состоит из введения и 12 глав. В первых пяти главах, носящих общетеоретический характер, как следует из введения, «подводятся итоги проделанной работы»; в остальных — «раскрываются нерешенные вопросы» (с. 6). Книга написана коллективом авторов, сотрудников Лаборатории этнической статистики и картографии Института этнографии АН СССР, и является прекрасным образцом коллективной монографии, хорошо задуманной и исполненной.

Во введении (С. И. Брук) кратко передается основное содержание всей книги, формулируются основные принципиальные положения, отмечается, что карты неверно было бы рассматривать лишь как иллюстрацию к тексту: они служат одним из наиболее эффективных методов исследования и передачи информации, являясь образно-знаковыми моделями действительности (с. 4). В этих исходных положениях автор опирается на известную книгу А. Ф. Асланикашвили¹, в которой глубоко анализируется природа карты. Карты, говорит он, дают информацию, которая является знанием, предлагаемым в форме картографической модели. Одновременно картографическая модель является средством получения нового знания об объективной реальности.

Автор введения справедливо подчеркивает, что карта не исчерпывает сама по себе сведений о предмете: «наибольшая эффективность картографического метода в географических и этнографических исследованиях достигается тогда, когда карта сопровождается текстом» (с. 4). Автор вкратце останавливается на проблемах, связанных с определением самого объекта исследования — этноса (народа), с классификацией и группировкой этносов, отмечает некоторые выявившиеся в ходе этногеографических исследований закономерности. Указывается на связь между типами расселения народов и особенностями их картографирования. Отмечаются особо сложные для картографирования типы расселения — в городах, в смешанных зонах, на границах основных этнических ареалов и т. п. Ставится также вопрос о некоторых специфических трудностях, возникающих при картографировании этнических аспектов миграции населения, этнических процессов и других динамических аспектов этнического расселения. Как пишет С. И. Брук, приемами, вполне удовлетворяющими исследователя, этническая картография пока не располагает. Отдельные вопросы — выявление этнических ареалов, несоответствие политических границ с этническими, существование «спорных территорий», уточнение этнических групп, территориальные взаимоотношения народов.

В главе I (Б. В. Андрианов, С. И. Брук, В. И. Козлов) освещаются проблемы этнической географии как отрасли, возникшей на границе этнографической и географической наук. Рассмотрев историю становления этого направления, занимающегося изучением географического размещения народов, их расселения и территориального взаимоотношения с другими народами, авторы отмечают важность этнодемографических проблем, большую теоретическую и практическую значимость определения национального состава стран мира и его картографирования. Актуальность этногеографических исследований усиливается сегодня благодаря все возрастающему значению национальных (а также религиозных, расовых и др.) факторов в социально-политической жизни как развивающихся, так и целого ряда развитых стран (например, Великобритании, Бельгии и др.).

¹ А. Ф. Асланикашвили. Метакартография. Тбилиси, «Мецниереба», 1974.

В данной главе рассмотрены также проблемы определения этнических территорий (т. е. основного ареала расселения народа) и этнических границ, ставятся и решаются вопросы классификации народов по этнолингвистическим, расовым, религиозным, хозяйственно-культурным и другим признакам. В ней также отмечено, что современная концепция так называемых хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, разработанная советскими этнографами, позволяет решать на современном уровне сложнейшую проблему «включения» исторического человека в природные экологические системы. Это направление тесно сопрягается с основными задачами этнографической науки по исследованию характера размещения народов мира, их территориальных взаимоотношений, их традиционно-бытовых особенностей, их связей с природной средой.

Глава II, написанная С. И. Бруком и В. И. Козловым, озаглавлена «Этническая картография» и является одной из основных глав книги. В начале ее определяются объект и метод исследования. Уже в середине XIX в., замечают авторы, «картографирование становится особым методом научного и этнографического исследования» (с. 14). Основные требования, предъявляемые к тематическим картам (достоверность, обособленность классификации отображаемого материала и т. д.), раскрываются применительно к этническим картам.

Картографирование рассматривается как «особый метод этнографического и этногеографического исследования» (с. 14). Указывается, что объектом этнического картографирования становятся этнические территории, этнические границы и смешанные в этническом отношении районы, изучаемые этногеографией (с. 15).

Наряду с этим перед этногеографией стоят задачи картографирования разных явлений традиционно-бытовой культуры. Авторы дают название «этнических» картам, показывающим расселение народов, и «этнографических» картам, показывающим размещение отдельных черт их материальной и духовной культуры.

Подробно освещается история развития этнических карт от древности до наших дней. При этом интересно показана роль этнических карт в политической жизни различных стран (например, манипулирование отдельными признаками при выделении и классификации народов и другие виды фальсификации, применявшиеся в капиталистических странах в борьбе за спорные территории).

Характеризуя развитие этнической картографии в России, авторы останавливаются, в частности, на деятельности П. И. Кеплена, А. Ф. Риттиха и других предшественников современной этнической картографии. По сведениям Л. С. Берга, с середины XIX в. до 1913 г. было составлено 38 этнических карт. На известной карте П. И. Кеплена (СПб., 1851) разными цветами показаны ареалы расселения 38 народностей Европейской части России. По мнению П. И. Кушнера, П. И. Кеплен впервые применил метод этнических территорий, который впоследствии был развит самим П. И. Кушнером и авторами рецензируемой книги. Отмечается картографическая деятельность «Комиссии по изучению племенного состава России и сопредельных стран». Наконец, отмечается то большое значение, которое придавал В. И. Ленин этническому картографированию.

Усиленное развитие этнической картографии после второй мировой войны связано с возросшим интересом к народностям развитых стран. С начала 50-х годов Институт этнографии (в основном совместно с Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР) опубликовал учебные карты народов СССР и мира для средней школы и вузов, в этот же период вышла серия настенных карт с текстовыми комментариями по крупным регионам мира, а затем и карта народов в масштабе 1 : 15 000 000, наиболее крупная и подробная из всех издававшихся до тех пор мировых этнических карт. В 1964 г. вышел в свет обобщающий капитальный труд — Атлас народов мира. Разрабатывались новые методы изображения, создавались принципы выделения и группировки народов.

По поводу этнографического картирования подчеркивается, что оно преследует цель не только фиксации элементов материальной и духовной культуры (выявления их ареалов) и выявления исторических изменений, но и обобщения этих материалов для решения важных этнокультурных проблем.

В главе III — «Принципы выделения народов и система их классификации», написанной С. И. Бруком, задачи этногеографии в известной мере смыкаются с задачами близкой рецензенту лингвогеографии (в части классификации и распространения языков).

Этнические общности разных социально-экономических формаций отличаются по своему типу. Наиболее ранним типом этнической общности, характерной для первобытнообщинного строя, является племя (или союз племен), позднее развиваются народности, затем буржуазные нации и социалистические нации. Существенными в советской этнографии являются положения об иерархичности этнических общностей: наряду с этносами (народами) выделяются макроэтнические единицы (общности, охватывающие несколько этносов) и микроэтнические единицы, входящие в этносы как их составные части (этнографические группы или «субэтносы», религиозные меньшинства и др.). Бесперывно действующие этнические процессы, среди которых в целом преобладают процессы объединительного характера (ассимиляция, консолидация), приводят к образованию и сосуществованию этнических общностей разного таксономического порядка, а также переходных этнических групп. Все это затрудняет выделение эт-

нос — основного объекта этногеографического и этнокартографического исследования. В целом в связи с преобладанием объединительных процессов число народов имеет тенденцию к сокращению. В качестве примера консолидации нескольких этносов в единый новый народ приведены хакасы, сформировавшиеся в начале 1920-х годов из различных родственных тюркских племен (с. 23). В главе уделяется большое внимание языковой общности как одному из важнейших условий складывания этносов, отмечается большая роль религии в историческом процессе образования многих современных народов, ставится вопрос о соотношении народов и рас, подчеркивается роль самосознания и родного языка как этнических детерминантов.

Интересны наблюдения о картографировании сложной структуры этнических общностей. С. И. Брук отмечает, что «не решена полностью и проблема выделения на этнических картах субэтносов и метаэтнических общностей» (с. 25), указывает на необходимость карт более крупных масштабов для показа этнического дробления (с. 27). Анализируется связь этнического картографирования с классификацией народов, излагается этнолингвистическая система классификации, разработанная в Институте этнографии. Проводится интересное сопоставление свойств текста и карт: «В отличие от текста, где могут одновременно фигурировать несколько систем классификаций и может употребляться любое число признаков, карта требует единой системы классификации» (с. 29).

В главе IV (С. И. Брук и В. И. Козлов) подробно в историческом аспекте характеризуются основные источники этнического картографирования: данные этностатистических обследований, переписей населения, материалы, содержащиеся в разного рода книгах, справочниках и литературных описаниях, материалы о языковом, религиозном или расовом составе мира и отдельных стран и районов, топонимические данные, уже имеющиеся разные картографические материалы.

Глава V — «Способы этнического картографирования» (С. И. Брук) является одной из наиболее ценных, поскольку здесь суммируются особенности составления тематических (специальных) карт (применительно к этнической картографии), критерии выбора масштаба карты и отбора ее общегеографической нагрузки. Названы и кратко описаны наиболее часто применяемые изобразительные приемы, анализируются их положительные и отрицательные стороны.

В рассмотренной выше первой части книги не только подводятся итоги проделанной работы, но прежде всего ставятся основные теоретические проблемы, связанные со сравнительно молодыми отраслями этнографии — этногеографией и этнокартографией. Показано место этих новых отраслей в системе этнографии и картографии, анализируется объект исследования и его внутреннее дробление (классификация народов), что определяет источники картографирования и применяемые методы картографирования.

Многие важные общекартографические определения и наблюдения существенны и для тематической картографии вообще, и, в частности, для лингвистического картографирования — области, тесно связанной с этнографическим картографированием, поскольку язык наряду с самосознанием является основной определяющей координатой этноса. В целом этнография, по-видимому, теснее связана с рядом смежных наук, чем лингвистика. Тематическая (специальная) картография в ряде других отраслей знания развивалась раньше, чем этнокартография, которая использует богатый опыт почвенных, ботанических, исторических, экономических, лингвистических и других карт (с. 64). В частности, этнографические карты известны со второй половины XIX в., в то время как карты распространения языков появились значительно ранее.

Подводя итоги первой, теоретической части рецензируемого труда, следует отметить важность проводимого авторами различия между этнической и этнографической картографией. В лингвогеографии это разделение соотносится с картографированием языков и диалектов, с одной стороны, и картографированием элементов системы языков: лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса — с другой. Однако нельзя не отметить, что этническая картография обладает гораздо более разработанными и совершенными методами составления карт, чем лингвистическая география. Представляется, что в этнокартографии способы нанесения информации на карту более логично упорядочены и разнообразны, чем в лингвогеографии, где до сих пор господствует метод простой фиксации ответа у пункта обследования.

Наряду с этим в этнографии все еще недостаточно распространено картографирование элементов материальной и особенно духовной культуры, т. е. по сравнению с весьма развитой этнической картографией, этнографическая картография заметно отстает. В этом плане языковеды опережают этнографов: лингвистическое картографирование элементов системы языков и диалектов охватило к настоящему времени большую часть языков, как индоевропейских, так и неиндоевропейских.

Главы VI—XII посвящены отдельным аспектам этнического картографирования: гл. VI — «Этнические территории, этнические границы и проблемы их картографирования» (М. Я. Берзина); гл. VII — «Проблемы картографирования этнических процессов» (В. И. Козлов); гл. VIII — «Картографирование миграций и его этнические аспекты» (В. В. Покшишевский); гл. IX — «Изучение этнической структуры населения городов и проблемы ее картографирования» (В. В. Покшишевский); гл. X — «Неоселдое население мира и опыт его картографирования» (Б. В. Андрианов); гл. XI — «Картографи-

рование лингвистическое, конфессиональное, расовое» (П. И. Пучков); гл. XII — «Картографирование материальной и духовной культуры» (С. И. Брук).

В главе VI, одной из самых больших по объему и существенных по содержанию, ставится на основе идей П. И. Кушнера проблема соотношения этноса и территории. Проводится мысль, что иерархии этносов соответствует иерархия их этнических территорий. На ряде примеров показывается необязательность совпадения этнических и государственных границ, несмотря на важную во многих случаях этноразделительную роль государственных границ. В подразделе о смешанном населении проводится типология территориального смешения. В подразделе о картографировании этнических территорий и районов смешанного расселения отмечаются особенности картографического «языка», рассматриваются проблемы, связанные с самим выделением и разграничением этнических территорий, с выбором проекции и масштаба карты, использованием источников разного типа, дается характеристика различных способов изображения; все это имеет определенную ценность и для лингвокартографов. Особое внимание здесь уделяется цветовой гамме; родственные народы показываются близкими цветами; за определенными группами народов закрепляются те или иные цвета, некоторые из них стали уже традиционными в советской этнической картографии. В главе ставятся также проблемы генерализации и приемов сочетания качественной и количественной характеристики картографируемых этносов.

Две последующие главы посвящены методическим вопросам, связанным с картографированием динамических явлений — этнических процессов (гл. VII) и миграций (гл. VIII). «Этническими процессами в широком смысле, — пишет В. И. Козлов, — называются процессы, которые выражаются в значительном изменении любого из основных элементов этноса, прежде всего — языка и культуры. Этническими процессами в узком смысле слова называются процессы, которые в конечном счете ведут к перемене этнической принадлежности» (с. 72). Этнические процессы в узком смысле, т. е. этнотрансформационные процессы, можно разбить на две группы: разделительные (дробление этносов) и объединительные (этническая консолидация, этническая ассимиляция и межэтническая интеграция). При интеграции могут образовываться метаятнические общности — «суперэтносы», такие, как индийская или индонезийская «наднации». Отметим, что по отношению к «швейцарцам» В. И. Козлов полагает, что этот общий термин, нередко фигурирующий в литературе, носит преимущественно политический, а не этнический смысл². Автор указывает на трудность отображения на картах динамики явлений. На практике эта задача чаще всего решается путем составления серий однотипных по своему содержанию карт на разные даты и сопоставления их друг с другом. Приемы непосредственного отображения динамики на карте пока практически не разработаны. Автор высказывает ряд соображений о возможных направлениях дальнейших поисков.

Не менее сложно картографирование миграций и их этнических (можно добавить и языковых, в том числе лексических) аспектов. Поскольку миграции теснейшим образом связаны с ростом городского населения и уменьшением сельского, то представляется логичным, что к главе о картографировании миграций примыкает следующая глава — об изучении этнической структуры населения городов и проблемах ее картографирования. Обе главы написаны одним и тем же автором — В. В. Покшишевским. Проблемы этнического картографирования городов — учет их людности, этнической мозаичности, особенностей, характеризующих население пригородов, — требуют умелой генерализации, правильного выбора масштаба и методов нанесения на карту специальной нагрузки. Автор показывает, что сделано в этом направлении, но подчеркивает, что задача картографирования городского населения, в частности в его этнических аспектах, еще далеко не решена.

Около $\frac{1}{5}$ земной суши занимает зона с редким кочевым и полукочевым населением (пустыни и полупустыни), картографирование которого затруднено из-за его недостаточной изученности, а также малой разработанности картографических приемов и условных обозначений.

Автор X главы, посвященной этим вопросам, Б. В. Андрианов особое внимание уделяет типологии форм подвижности у разных хозяйственно-культурных групп населения. Это охотники и собиратели лесов жаркого пояса, кочевники-скотоводы средней зоны и многие другие группы, сохраняющие до наших дней в разной степени формы подвижного быта и традиционных миграций. Глава насыщена значительным иллюстративным материалом — картами сезонных перегонов скота. Весьма оригинальна и сводная мировая карта «Формы подвижности неоседлого населения мира» (рис. 22) с матричной легендой, где выделено для 12 особых хозяйственно-культурных типов неоседлого населения 10 степеней форм подвижности — от подвижно-бродячего населе-

² Личные наблюдения и анкета, проведенные нами среди населения четырех языковых зон Швейцарии зимой 1976 г., показали, что жители франко-, итало-, германо-швейцарских зон осознают себя прежде всего как «швейцарцы», а не немцы, французы и итальянцы. Соответственно по своему внешнему облику, одежде, характеру, психологии, мировоззрению они отличаются от своих сородичей в соседних странах в силу длительности отчуждения и языковой политики, проводимой правительством Швейцарии. См. М. А. Бородин. Язык, этнос, нация (постановка вопроса). — «Ареальные исследования в языкознании и этнографии». Л., 1978, с. 14—16.

ния до населения с годовой оседлостью и сезонной миграцией части населения. Характеристика в легенде дается сразу по двум параметрам, что позволяет уже в самой легенде показать сложные зависимости между отдельными группами неоседлого населения и формами их подвижного образа жизни.

В главе XI о лингвистическом, конфессиональном, расовом картографировании ее автор, П. И. Пучков, ставит проблему картографирования явлений и признаков, дающих дополнительные штрихи к характеристике этносов.

Особенно подробно останавливается он на вопросах составления конфессиональных карт, что вполне понятно — ведь он фактически является пионером в области конфессионального картографирования в нашей стране, автором известных карт религий³. Подробно исследуется также вопрос об особенностях религиозной общности (с точки зрения картографии) по сравнению с некоторыми другими социальными общностями людей.

Говоря о лингвистических и расовых картах, автор отмечает нецелесообразность практикуемого иногда за рубежом составления комбинированных расово-языковых карт и указывает, что между расой и языком в настоящее время нет сколько-нибудь четкой корреляции.

В последнем разделе главы подробно характеризуются зарубежные антропологические карты, особенно антропологические карты, составленные в нашей стране (работы Г. Ф. Дебеца, М. Г. Левина и Я. Я. Рогинского, Н. Н. Чебоксарова, В. П. Алексеева).

В главе XII, посвященной картографированию материальной и духовной культуры народов (С. И. Брук), представлены основные вехи современного картографирования и показана степень охвата этим методом исследования разных стран и территорий. Подчеркивается, что атласы не ограничиваются фиксацией явлений и их ареалов; основная цель атласов — «решение важных проблем, связанных с этногенезом, этнической историей, историей культуры» (с. 155). Выявляются традиционные и инновационные аспекты этнографического картографирования и его основные методы при фиксации земледелия и животноводства, поселения и жилища; пища, одежда; социальные отношений, календарных обрядов, народных верований и т. д.

В этой главе суммируются вопросы методики собирания и обработки материалов, отмечается, что «при разработке основных методологических направлений историко-этнографического картографирования установление пространственно-временных и количественных параметров является едва ли не самым главным» (с. 158). Подчеркивается необходимость динамического показа явлений культуры: чем отдаленнее картографируемый период, тем, как правило, с меньшей точностью определяется ареал распространения. Материал наносится на карты разными способами — посредством значков, цветного фона, ареалов и т. д. Характеристика С. И. Бруком картографических процессов подводит лингвогеографа к заключению, что общим для лингво- и этногеографии является выделение ареалов в результате картографирования и их характеристика, от которой зависит синхронно-диахронная интерпретация ареалов⁴.

Книга «Проблемы этнической географии и картографии» оставляет впечатление энциклопедии знаний об этой новой дисциплине, находящейся на стыке этнографии и географии. Книга представляет интерес как для теоретической и практической картографии, так и для изучения разнообразных вопросов этнографии и смежной науки — языкознания.

В целом следует отметить, что, хотя в книге декларируется связь понятий «народ» и «язык», в ней мало внимания уделяется лингвогеографическим вопросам, которые являются связующим звеном между этногеографией и лингвистикой. Что касается теории ареальных исследований (см. с. 163), то после работ, вышедших в 1971 г., упоминаемых С. И. Бруком, появилось значительное число исследований на эту тему на материале разных языков (Н. З. Гаджиевой, А. В. Десницкой, М. А. Бородиной и др.), в которых понятия «ареал» и «ареальные исследования» интерпретируются с разных точек зрения⁵.

Выделение М. Я. Берзиной семи типов территориального смещения (с. 58—63) дает основание предположить, что в этногеографии, как и в лингвогеографии, выделяются определенные ареалы как типовые пространственно-временные, исторически обусловленные территории. Анализ карт распространения религий (конфессиональных карт), которые мы находим в книге П. И. Пучкова «Современная география религий», дает возможность сделать наблюдения ареального плана об особенностях центральных и периферийных зон.

³ См. его карты в «Настольной книге атеиста». М., 1975; а также карты в интересной книге: П. И. Пучков. Современная география религий. М., 1975.

⁴ М. А. Бородина. Ареалогия и некоторые вопросы романского языкознания. — «Вопросы языкознания», 1975, № 2, с. 47—61.

⁵ См., в частности: Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975; А. В. Десницкая. К вопросу о предмете и методах ареальной лингвистики. — «Ареальные исследования в языкознании и этнографии». Л., 1977, с. 22—29; М. А. Бородина. Понятие маргинального ареала в лингвистическом континууме. — Там же, с. 107—118.

Для проблем этнической географии и картографии, по-видимому, существенно не только понятие этнических территорий, но и их границ. Характер границ, их конфигурация, их история — особая тема исследования. Очевидно, не случайно принято употреблять термины «политические, государственные границы», но «этнические рубежи». Возможно, целесообразно было бы вслед за лингвогеографами, использующими для этой цели термин «изоглоссирование», ввести специальный термин для установления границ или пограничных этнических зон, анализа этих зон⁶.

Этнографию и лингвистику связывает и изучение наименований тех или иных предметов и их распространение по карте. Таким образом, этнолингвистические процессы проходят не только по линии внешелингвистических, но и по линии внутрелингвистических системных (лексических, а иногда и фонетических и морфологических) вариаций. Нередко на этнической карте отмечаются основные лингвистические координаты этносов. Изучение рецензируемой книги показывает возможность введения терминов «лингвоэтногеография» и «лингвоэтнокартография», которые закрепляют уже существующую смешанную лингвоэтническую дисциплину.

С позиций лингвогеографии, территория, ареал — это предмет исследования, и поэтому неожиданно звучит: «метод этнических территорий» или «метод ареалов» (с. 70 и др.). Может быть, правильнее было бы писать: «метод выделения или вычисления ареалов», «метод ареализирования». Удобным в описании разных особенностей нанесения той или иной информации на карту является принятый в картографии термин «язык» карты, который нашел слабое применение в рецензируемой книге.

Все главы сопровождаются большой и интересной библиографией. Досадны в связи с этим две неточности в главе XI. На с. 142 сноска на «Atlas linguistique de la France», Paris, 1902—1919 является глупым указанием на знаменитый Лингвистический атлас Ж. Жильерона, основоположника лингвистической географии (G. Gillieron et E. Edmont. Atlas linguistique de la France, 35 fasc. Paris. Champion, 1902—1910). В этой же главе в списке 34 упоминается впервые труд В. П. Алексеева «География человеческого рас» без выходных данных.

Книга очень выиграла бы, если бы к ней был приложен тематический указатель.

Я не этнограф и, естественно, не могу достаточно полно оценить всю новизну представленного материала, равно как и его недостатки, но, будучи убежденным приверженцем картографического метода исследования, анализа и показа материала, я согласна с теми авторами книги, которые пишут, что подчас карта дает большую (и более наглядную) информацию, чем текст (см. с. 71).

Благодаря умелому изложению, умелой компоновке, прекрасному иллюстративному материалу книга, написанная, казалось бы, на очень узкую тему, представляет интерес и для широкого круга читателей — филологов, историков, этнографов, географов. Однако она оказалась недоступной из-за небольшого тиража (1000 экземпляров). Необходимо ее переиздание с добавлением предметного (тематического), именного и географического указателей. Для массового читателя хорошо бы представить и более популярно изложенное, переработанное и сокращенное издание с сохранением значительной части иллюстративного материала.

М. А. Бородина

⁶ Применительно к этнографическим объектам картографирования Н. И. Толстой ввел термины «изопрагма» и «изодокса».

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СЕМЬИ

(О книге А. Г. Харчева «Брак и семья в СССР»).

В предисловии ко второму изданию книги «Брак и семья в СССР» (М., «Мысль», 1979) А. Г. Харчев отмечает, что за пятнадцать лет, прошедших со времени первого издания, существенно изменились и сама семья, и науки, занимающиеся ее исследованием. Эти изменения наглядно ощущаются при сопоставлении двух изданий монографии А. Г. Харчева: в последней работе автор опирается на выводы значительно более широкого круга эмпирических исследований; обогатился понятийный аппарат и методология исследования, предметом анализа стали новые, определившиеся за эти годы тенденции развития семейно-брачных отношений. По существу мы имеем дело с новой работой, всесторонне отражающей как современное состояние научных исследований в данной области, так и современные, весьма динамичные процессы, определяющие развитие этой важной сферы социальной жизни.

Одна из примечательных особенностей книги А. Г. Харчева — последовательное применение комплексного, системного, междисциплинарного подхода к анализу сложных и многообразных проблем развития семьи в советском обществе. Обоснованию теоретических и методологических принципов такого подхода посвящены две первые главы книги: